

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ УСТНОЙ ТРАДИЦИИ

MODERN LITERATURE IN THE CONTEXT OF ORAL TRADITION

УДК 821.161.1; 398

ФОЛЬКЛОР КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЙ КОНЦЕПТ В РОМАНЕ ГУЗЕЛИ ЯХИНОЙ «ДЕТИ МОИ»

© **Шафранская Элеонора Федоровна** (2019), SPIN-code: 5340-6268, ORCID: 0000-0002-4462-5710, доктор филологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Российская Федерация, 129226, Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1), shafranskayaef@mail.ru

В статье рассматриваются формы и задачи использования элементов фольклора в романе Г. Яхиной «Дети мои». Автор обращает внимание на то, что в современной русской литературе появилось несколько романов, в которых речь идёт о бытовании фольклора в советский период (например, романы А. Мелихова «Исповедь еврея» и А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»). Фольклор в них представлен как вид культуры, имплицитно включенный в повседневную жизнь каждого человека. Подлинному фольклору противопоставлен псевдофольклор, который стал результатом вмешательства официальной идеологии в развитие устного народного творчества. Именно этот инициированный властями эксперимент лег в основу одной из интриг романа Г. Яхиной «Дети мои». Отмечается, что роман «Дети мои» посвящен исторической судьбе немцев Поволжья и частной жизни одного колониста, учителя Якова Баха, его любви к жене и дочери, к поэзии Гёте и родной природе. Одна из центральных сюжетных линий романа связана с фольклором и его бытованием в среде носителей национальной культуры: Бах – собиратель, самостоятельный исследователь и создатель местного фольклора. Влюбленный в письменное, а главное, в устное слово, Яков Бах уверовал в его магию, но к финалу своей фольклорной деятельности разочаровался в ней, так как собственно фольклор, тем более псевдофольклор, не способен был повлиять на реальные события. В статье представлена судьба «маленького человека» на фоне надвигающейся катастрофы XX века – репрессий и казней, остранным увиденным человеком, не только не говорящим по-русски, но и вообще не говорящим.

Ключевые слова: немцы Поволжья, острашение, фольклор, псевдофольклор, современная русская литература.

Действие романа «Дети мои» начинается в канун революционных событий в Российской империи и продолжается вплоть до 1938 года. Место действия – небольшая немецкая колония на Волге, в ходе повествования превратившаяся в советскую автономную область, а затем и в автономную республику. На первый взгляд действие романа связано с жизнью немецкого поселения, потомков тех, кто был приглашен в Россию императрицей Екатериной II, обратившейся к прибывшим: «Дети мои». Однако будни и праздники, свершения и трагедии поволжских немцев – это лишь исторический фон в романе. Сюжет выстроен вокруг одного персонажа, школьного учителя Якова Баха, и его немногочисленной семьи: сначала жены, а потом его дочери и приبلудного сына. Причем все исторические перипетии представлены в рецепции Баха, остраненно воспринимающего изменения в его колонии, которые он видит с другого берега Волги. Собственно, этим и интересен роман – свежим, остраненным взглядом на историю страны.

С одной стороны, хутор, где обосновался Бах, – это как будто бы нереальный, сказочный топос, вроде бы находящийся рядом с обычными людьми, но невидимый ими, где и прошли счастливые годы жизни Баха. Никто не верил в существование этого хутора, ведь «горы правобережья неприступны совершенно, <...> нет там ничего, кроме бесконечного дремучего леса» [Яхина 2018, 78]. Такой маркесовский Макондо, или остров Утопия. С другой – «Утопия» потому и «утопична», что не может существовать в отрыве от остального мира.

Когда у Баха родилась дочь, а жена умерла при родах, потребовалось молоко для новорожденной, на хуторе взять его было негде – пришлось отправиться к людям. Пойманный на воровстве, Бах неожиданно вступает в «коммерческую» сделку с новой властью в лице красного комиссара Гофмана: тому нужен фольклор местных немцев, через его посредство власть собирается вести свою «красную» пропаганду.

Бах оказался не только носителем местного фольклора, он, будучи учителем и человеком, чутким к слову и высказыванию, стал ходячей фольклорной энциклопедией для Гофмана. Слух – главная составляющая образа колониста-учителя Баха. Еще до потери речи, в результате страшного стресса, слух Баха определяет его самобытность: маленький человек, живущий маленькой жизнью, Бах предпочитает *слушать* большую жизнь. «Иногда, заслушавшись, Бах даже забывал, что он и сам – часть этого мира <...> Бах предпочитал слушать» [Яхина 2018, 15]. Когда он стал обучать Клару, невидимо сидевшую за ширмой, он потерял покой, влюбился в девушку, *слушая* ее. «Бах готов был слушать Клару часами» [Яхина 2018, 62]. Также «Бах слушал сны» [Яхина 2018,

63]. Видимо, немота пришла к Баху неспроста: она отсекала не столь важную функцию организма Баха, усилив главную – слух.

В начале своей фольклорной «миссии» Бах слушал сказки, которые ему рассказывала из-за ширмы Клара. Сказки вращались в Баха, становились органической частью его личности, чтобы потом быть переданными Гофману.

Если говорить языком фольклористики, то сказки Клары не были собственно сказками, это были устные нарративы с установкой на достоверность. «Как отличались они от знакомых Баху книжных сказок! <...> ...Сюжеты эти звучали как обыденные сообщения о происшествии на соседнем хуторе, как скупые заметки о бытовых преступлениях. Истории эти, вероятно, привезены были с германской родины еще во времена Екатерины Великой и с тех пор изменились мало или не изменились вовсе, прилежно передаваемые из уст в уста поколениями немногословных и не склонных к фантазиям Тильд. <...> И Клара верила в эту жизнь...» [Яхина 2018, 60]. Влюбленный в Клару, еще умевший говорить, Бах, став супругом Клары, «впитывает» ее всю, главное – то, что слышал от нее: песенки и шванки, пословицы и поговорки, прибаутки и присказки – все это было родное и близкое, «как вездесущая трава или паутина, как запах воды и камней; они шли этой уединенной жизни и росли из нее, потому исправлять Кларину речь не хотелось. Бах по-прежнему любил слушать ее, но слушал теперь, не прерывая и даже научаясь находить в диалекте определенную красоту» [Яхина 2018, 90].

Все это пригодится Баху, когда он потеряет речь, пережив изнасилование Клары залетными бандитами, когда останется один на один с новорожденной Анче, когда надо будет добывать для нее пропитание.

Местная власть решила «вливать новое вино в ветхие мехи». «Лицо его (комиссара Гофмана. — Э.Ш.) озарилось радостью, глаза расширились, взор просветлел. — Ах, какая тема! <...> Замена фольклорных форм...» [Яхина 2018, 169]. Столкнувшись с этим восторгом, арестованный Бах поначалу и не собирался вступать в сделку с Гофманом. Будучи фанатом этих самых «фольклорных форм», Бах схватил карандаш и стал писать то, что так желал узнать Гофман, – посыпавшиеся из памяти пословицы и поговорки волжских гнадентальцев, сопровождая их комментариями собирателя.

«Кануть в Волгу – пропасть без вести», «Таскать воду в Волгу – заниматься бесполезным трудом», «В тазу Волгу переплыл – о том, кто излишне бахвалится», «Этот и до Каспия дойдет – о наглom и напористом человеке», «Много воды утечет в Волге – о том, что нескоро случится», «Когда Волга вверх потечет – о том, что никогда не случится»

[Яхина 2018, 171] и еще десятки всплывших в памяти Баха устойчивых фраз, слышанных им на хуторе во времена учительства и от любимой Клары. Еще и еще ждал Гофман. «Драчливый, как из Зельмана», «жадный, как из Швабии», «простодушный, как из Гнаденталя» [Яхина 2018, 172], — сыпал поговорками Бах. Однако Гофман все тщательно просеивал, примеряя старое содержание к новым реалиям: «Зельман — это где? <...> — Ниже по Волге... <...> — Тогда можно оставить. А вот Швабию придется изъять из оборота» [Яхина 2018, 172].

Идеологический процесс-прессинг, который символизирует в романе фигура Гофмана, вписан в реальный исторический контекст: «Изменения в устной поэзии заключались, во-первых, в медленном, а потом во все более убыстряющемся изживании старых фольклорных жанров, связанных со старой религиозной и общественной идеологией» [Соколов 1941, 39] — так отчитывался в 1938 году советский фольклорист Ю.М. Соколов на заседании Отделения общественных наук при АН СССР, посвященном состоянию советского фольклора.

Собственно, тогда и образовался некий крен в фольклоре, перекося, когда под влиянием пропаганды особо ретивые фольклористы в кооперации с носителями фольклора выдавали на потребу власти новую, «социалистическую по форме» продукцию: это и пресловутые новины, бездна пропагандистских частушек и сказов, а уж на национальных окраинах просто процветал авантюризм (стал хрестоматийным случай, герой которого, писатель Леонид Соловьев, издал якобы переведенный на русский язык узбекский эпос о Ленине; впоследствии, уже после смерти писателя, стало очевидно, что это была находчивая выдумка, сумевшая, однако, оказать воздействие на «академические» круги: по следам Соловьева отправилась экспедиция за аутентичными текстами, но, не найдя их, просто перевела «эпос» Соловьева).

В романе Яхиной именно для достижения подобных целей Гофман использует знатока фольклора Баха.

Исчерпав весь запас пословиц и поговорок, Бах стал описывать трудовые будни гнадентальцев и созданную ими номенклатуру хрононимов и предметов обихода: как они именовали месяцы года (январь — «ледовый», февраль — «месяц сбора оленьих рогов», март — «весенний месяц», апрель — «месяц травы» и т. д. [Яхина 2018, 179]), как называли одежду, строительные детали жилища; он рассказывал об истории основания Гнаденталя, приметах, рецептах народной медицины, именах гнадентльцев. За эти записи он получал порцию молока для своей Анче. Впечатлительный и фанатичный, как и все первокомиссары, Гофман был в восторге: «Пиши мне про живое: про людей пиши, про характеры

их! Чему верят? Чего боятся? Чего ждут? Зачем живут? <...> Понял, Бах?» [Яхина 2018, 185]. И Бах писал. Но настал момент, когда он иссяк.

У Гофмана зреет план: как изжить все те пережитки, о которых столько написано (и опубликовано Гофманом под псевдоним в «Волжском курьере»). Гофман изрекает свою программу: «...не бороться с ними нужно, а возвращать! Лелеять! Пестовать!» [Яхина 2018, 193]. Все записи Баха Гофман дополняет своими выводами и предложениями: «месяц вина» переименовать в месяц революции, «Христов месяц» – в месяц зимы, критикует все приметы и суеверия. Для более внятной пропаганды Гофману требовались сказки. «Напиши мне сказку, Бах... <...> Для начала хотя бы одну. Выбери лучшую из всех, что знаешь, – и не просто перескажи, как слышал в детстве, а поройся в ней, поищи смыслы, досочини что-нибудь, наконец. Нам нужна не пыльная прабабкина сказка, а новая, звонкая, хрустальная...» [Яхина 2018, 195].

К слову, в докладе Ю.М. Соколова (1938) упомянуто о подобной тенденции обновления фольклора: «Некто Линд в Республике Немцев Поволжья издал книгу сказок. Многие обрадовались: “Вот настоящие советские сказки!” И как интересно, по-новому трактуется традиционный сюжет о сером волке и красной шапочке! Серый волк — символ кулака, красная шапочка — это комсомолка. Кулак хочет нанести вред комсомолке, комсомолка освобождает себя и других от когтей кулака. Так развивается сюжет. Мы решили проверить точность записи. Послали письмо на место, по указанным в книге адресам. Что же оказалось? Линд, действительно, записал от какой-то старушки сказку о красной шапочке. Но это — всем известная гриммовская сказка, а все новое истолкование введено в сказку самим собирателем. Писателям не возбраняется пользоваться фольклором. Наоборот, все мы радуемся, когда писатель приникает к этим замечательным источникам народной поэзии. Но нельзя выдавать свои собственные произведения за произведения народного творчества» [Соколов 1941, 51].

И Бах стал писать сказки. «Сказок он помнил так много, что мог бы купить на них целую бочку молока, целый колодец или целую Волгу, — Бах помнил все, что рассказывала ему Клара» [Яхина 2018, 202]. Он внял требованиям Гофмана: «...тут тебе и сказка с трудовой моралью, и инструкция по уходу за яблоневым садом, и культурная революция, и агропрос...» [Яхина 2018, 211]. Бах понял, чего не хочет слышать Гофман: никакой религии, мистики, магии, никаких чародеев и волшебников — никаких *бывших* героев, «пусть про них *бывшие* люди и читают: гимназисточки с офицеришками да дамочки интеллигентские» [Яхина

2018, 240], только простые люди-труженики: ткачи, сапожники, рыбаки, крестьяне. Сказки настолько впечатлили жителей Гнаденталья, ожидавших все новых и новых сюжетов, что на хуторе стали случаться совпадения: события происходили в соответствии с сюжетом недавно опубликованной и прочитанной гнадентальцами сказки. Сначала совпадения были оптимистичными: Гнаденталь процветал. Однако, по мнению Алана Дандеса, фольклор может действовать и как весьма опасная сила [Дандес 2003]. Тот жизнотворный потенциал, которого ожидал от фольклора Гофман, оказался не столь положительным. Как замечает Бах, все несчастья из сказок повторяются в реальной жизни. Бах сличает свои сюжеты и события в Гнадентале – совпадения очевидно трагические. Он пытается сочинять новые сказки, избегая несчастных персонажей, веря в магию слова. Но реальность оказывается сильнее фольклора: никакие сказки, никакие словесные усилия не могут ей противостоять. Бах прекращает сочинять свои сказки и вспоминать Кларины. На этом его фольклорная деятельность заканчивается.

Всем предшествующим годам Бах дает свои названия. Г. Яхина выносит баховский календарь на последнюю страницу романа, делая таким образом акцент на исторической картине, воспринимаемой глазами Баха. Да, роман и исторический в том числе. История Гнаденталья, остранным воспринятая школьным учителем, взиравшим на родную колонию с другого берега Волги, вписана в историю страны. Все этапы жизни немецкого поселения – революционные годы, насильственный переход к новой общественной-экономической формации, экспроприация, коллективизация, голод, временное процветание и проч. – проходят перед глазами Баха. Годы, как будто пробежавшие вдоль Волги, названы им годом разоренных домов, годом безумия, годом нерожденных телят, годом голодных, годом мертвых детей, годом небывалого урожая, годом спрятанного хлеба, годом большой лжи, годом большого голода и др. Последние годы в хронологии Баха – годы вечного ноября, это 1935–1938. Метафора «ноябрь» знаменует мрачный и трагический период в жизни не только немецкой колонии, но и всей страны. Помимо того, что сам Бах был арестован на волне шпиономании тридцатых годов, пришла к финалу и жизнь немецкой колонии. Решение о ее ликвидации целиком зависело от одного человека, вождя, не названного по имени, но однозначно узнаваемого. По случаю вождь оказался в немецкой автономии: он чувствует себя в ней Гулливером среди лилипутов, с брезгливостью глядя на порядок и отсутствие всякой монументальности, так характерной для стиля, творцом которого время назначило именно его. Первый российский трактор (исторический факт), назван-

ный «Карликом», вызывает у него раздражение – «Карлику» подписан смертный приговор. Неожиданно пропавших «Карликов» Бах видит во время своего путешествия по дну Волги, и не только их, но и многих своих соплеменников, так же как и «Карлики», неожиданно исчезнувших из Гнаденталя, – такой поволжский «Сандармох».

Композиция романа выстроена поглавно, глав – пять, они названы в честь тех, с кем прожил свою жизнь Бах: глава «Жена» – о Кларе, «Дочь» – об Анче, «Ученик» – о комиссаре Гофмане, любителе фольклора, «Сын» – о киргизском мальчике Ваське, «Дети» – о выросших Анче и Ваське, вырвавшихся из-под опеки Баха и устремившихся в большую жизнь. Однако в центре повествования, несмотря на заглавие романа («Дети мои»), находится фигура Баха, образ которого становится художественным воплощением исторической судьбы российских немцев. Бах – один из тех «лилипутов», которые так раздражали вождя, каких было по стране сотни тысяч, миллионы и которые нашли свой приют на дне Волги, зятянутые туда водоворотом недавней истории. Кто эти безвестные маленькие люди? о чем они думали, мечтали? во что верили?

Гузель Яхина выбрала из этого полчища бесславно погибших одного – Якова Баха, обладавшего талантом любви к слову, хоть и потерявшего возможность говорить. В пространстве исторической повседневности образ Баха материализовал тот этноним, которым наградила русский язык германцев: Бах – немтырь, немец. Этот безвестный человек (маленький для исторического контекста) любил, чувствовал, трудился, заботился о своей земле, своем саде, растил детей в безграничной заботе, но был раздавлен пятой великана: его маниакальными комплексами, бесчеловечным распорядком, введенным им в жизнь страны.

Так Гузель Яхина в романе «Дети мои» на примере судьбы одного персонажа осветила историческую эпоху 1920–1930 годов России.

Ряд русских прозаиков, чьи романы опубликованы в 2000-е годы, тоже обращается к советской исторической повседневности, например, Александр Мелихов в «Исповеди еврея» [Мелихов 2004] – к послевоенным годам, Александр Чудаков в романе «Ложится мгла на старые ступени» [Чудаков 2012] – к эпохе 1940–1950 годов, Людмила Улицкая в «Зеленом шатре» [Улицкая 2011] – к эпохе 1950–1970 годов (ряд, безусловно, может быть продолжен.) Из этих романов складывается, пазл к пазлу, масштабная картина советского XX века, состоящая не только из разных временных промежутков, но и из разных локусов. Можно также утверждать, что эти романы образуют коллективную историко-художественную эпопею и реализуют некий проект, никем не заданный,

однако появившийся совершенно органично: пришло время подводить итоги двадцатому веку, искать истоки современной реальности. «Я чувствую, как память второй половины двадцатого века прибывается волною только сейчас. От этого возникает абсолютно новое чувство ответственности перед прошлым» [Громова 2019], – делает запись в Фейсбуке Наталья Громова, исследователь советской литературной повседневности середины века.

В каждом из названных выше романов присутствует исторический пласт культуры повседневности своей эпохи. Фольклор входит в эту культуру как основной паттерн¹. Недолго задерживаясь в памяти, он, тем не менее, дает представление о настроениях и чаяниях людей в конкретном месте и в конкретное время. Зафиксированный письменно, фольклор представляет историческую ценность. Собственно, Гузель Яхина выполнила миссию фольклориста, воссоздав фольклор немцев Поволжья с опорой на всеми забытые публикации.

Источники

Громова 2019 – Громова Н. *Запись в Фейсбуке*. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2784403851570138&id=100000016502662 (дата обращения: 25.08.2019).

Мелихов 2004 – Мелихов А. *Исповедь еврея*: Роман. СПб., 2004.

Улицкая 2011 – Улицкая Л.Е. *Зеленый шатер*: Роман. М., 2011.

Чудаков 2012 – Чудаков А.П. *Ложится мгла на старые ступени*: Роман-идиллия. М., 2012.

Яхина 2018 – Яхина Г.Ш. *Дети мои*: Роман. М., 2018.

Литература

Дандес 2003 – Дандес А. *Фольклор: семиотика и/или психоанализ*. М., 2003.

Соколов 1941 – Соколов Ю.М. *Основные линии развития советского фольклора* // Советский фольклор: Сборник статей и материалов. № 7. М.; Л., 1941. С. 38–53.

Шафранская 2017 – Шафранская Э.Ф. *Роман А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» в аспекте филологической антропологии* // Вестник САФУ. 2017. № 4. С. 140–147.

¹ Смотрите, например, об этом: [Шафранская 2017]

FOLKLORE AS A PLOT-FORMING CONCEPT IN GUZEL YAKHINA'S NOVEL "MY CHILDREN"

© **Shafranskaya Eleonora Fedorovna** (2019), SPIN-code: 5340-6268, ORCID: 0000-0002-4462-5710, Doctor of Philology, professor, Moscow City Pedagogical University (4 Vtoroy Selskohoziaystvenny proezd, Moscow, Russian Federation), shafranskayaef@mail.ru

The article discusses the forms and tasks of using the elements of folklore in the novel by G. Yakhina "My Children". The author draws attention to the fact there have been several novels in modern Russian literature that deal with the existence of folklore in the Soviet period (for example, the novels by A. Melikhov, "Confession of a Jew" and A. Chudakov, "The Darkness Lies on the Old Steps"). These works feature folklore as a type of culture, implicitly embedded in the everyday life of every person. True folklore is opposed to pseudo-folklore, which was the result of the interference of official ideology in the evolution of folklore. It was this experiment initiated by the authorities that formed the basis of one of the plot elements of the novel by G. Yakhina "My Children". It is noted that the novel "My Children" is dedicated to the historical fate of the Volga Germans and the private life of one colonist, teacher Jacob Bach, his love for his wife and daughter, for Goethe's poetry and nature. One of the central storylines of the novel is associated with folklore and its existence among the bearers of national culture: Bach is a collector, amateur researcher and creator of local folklore. Bach falls in love with the written, and most importantly, the spoken word, and develops belief in its magic. However, by the end of his folklore activity he becomes disappointed in it, since folklore itself, especially pseudo-folklore, is not able to influence real events. The article discusses the fate of the "little man" against the backdrop of the impending catastrophe of the twentieth century - repressions and executions, seen in a detached manner by a man who not only does not speak Russian, but does not speak at all.

Keywords: Germans of the Volga region, detachment, folklore, pseudo-folklore, modern Russian literature.

References

(Articles from Scientific Journals)

Шафранская 2017 – Shafranskaya E.F. *Roman A. Chudakova "Lozhitsya mгла na staryye stupeni" v aspekte filologicheskoy antropologii* [A. Chudakov's novel "A Gloom is Cast Upon the Ancient Steps" in aspect of philological anthropology], *Vestnik SAFU* [Bulletin of the Northern Arctic federal university], 2017, no 4, pp. 140–147. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Соколов 1941 – Sokolov Y.M. *Osnovnyye linii razvitiya sovetskogo fol'klora* [Main lines of development of the Soviet folklore], in *Sovetskiy fol'klor: Sbornik statey i materialov* [Soviet folklore: Collection of articles

and materials], No 7. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR publ., 1941, pp. 38–53. (In Russian).

(Monographs)

Дандес 2003 – Dandes A. *Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz* [Folklore: semiotics and/or psychoanalysis]. Moscow: East literature publ., 2003. (In Russian).

Поступила в редакцию 25.08.2019